

Artur Zachar*

Uniwersytet w Białymstoku, Polska

University of Białystok, Poland

ORCID: 0009-0001-7967-0861

Эмотивная функция интертекста на примере романа Владимира Маканина *Андеграунд, или Герой нашего времени*

The Emotive Function of Intertext in the Novel *Underground, or A Hero of Our Time* by Vladimir Makanin

Abstract: In this article, the subject of analysis is the impact of intertextuality on the emotional aspects of a literary text. The article attempts to define the emotive function of intertext by contrasting this phenomenon with the expressive function through opposition. Using Vladimir Makanin's novel *Underground, or A Hero of Our Time* as an example, manifestations of the emotive function are interpreted. The author's research focuses on the role of intertextual elements in shaping the emotional background and psychological portrayal of the characters. The article also examines how the pretext (original text) and its deconstruction influence the emotional perception and expression of the text. Particular attention is given to the role of context in the emotive function of intertext.

Keywords: intertextuality, intertext, emotive function, expressive function, Makanin, context.

В современном пространстве «предметных» и «субъектных ценностей»¹ каждый текст культуры (под которым может подразумеваться как книга, так и фильм, песня или картина) вступает в диалог с другими произведениями, создавая сложную сеть взаимосвязей и отсылок. Этот феномен, известный сегодня как интертекстуальность², глубоко пронизывает всю

* Artur Zachar – mgr, doktorant literaturoznawstwa w Szkole Doktorskiej Uniwersytetu w Białymstoku, niniejszy artykuł jest debiutem naukowym autora.

1 Видение культуры как пространства «предметных и субъектных ценностей» в книге посвященной выявлению специфики культурологической интерпретации формирует Наталья Симбирцева. Н. Симбирцева, *Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели)*, Екатеринбург 2017, с. 9.

2 Данный термин был предложен Юлией Кристевой, которая впервые использовала его в 1967 году применительно к концепции диалогичности, созданной Михаилом Бахтиным. См.: J. Kristeva, *Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman*, «Critique» 1967, T. 23, № 239, p. 438–465. Ср.: Ю. Кристева, *Бахтин, слово, диалог и роман*, [в:] *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму*, Москва 2000, с. 427–457.

культуру и является одной из ключевых тем для исследований в современном литературоведении.

Понятие интертекстуальности, которое по справедливому утверждению Манфреда Пфистера, «моложе различных традиционных понятий, предполагающих ссылки между текстами»³, имеет в научном дискурсе конца XX – начала XXI века множество трактовок: от идеи Ролана Барта о том, что каждый текст является интертекстом⁴, до современных концепций, ограничивающих сферу действия интертекстуальности определёнными видами текстов⁵, либо рассматривающих ее как особый стилистический прием в поэтике постмодернизма⁶.

В связи с разнообразием толкований этого понятия, в научной литературе существует большое количество теоретических подходов к изучению данного феномена. На сегодняшний день в рамках дискурса об интертекстуальности выделяются две основные его модели: широкая и узкая⁷.

Широкая концепция рассматривает интертекстуальность как диалог текста с культурно-исторической средой, где термин «интертекст» охватывает культуру, историю и общество как глобальный контекст. Такое представление интертекста подразумевает его безграничность, и соответствует

3 М. Pfister M., *Koncepcje intertekstualności*, tłum. M. Łukasiewicz, „Pamiętnik Literacki” 1991, nr 82/4, s. 183. Если не указано иное, в этой и последующих цитатах перевод принадлежит мне.

4 R. Barthes, *Texte*, [in:] *Encyclopedia universalis*, Paris 1973, Vol. 15, p. 78.

5 Подробнее см.: Н. Петрова, *Проблема определения термина интертекстуальность*, «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева» 2017, № 2, с. 198. В данной статье автор производит попытку систематизировать различные определения термина «интертекстуальность», разделяя их на шесть групп. Одну из них, по мнению исследовательницы, составляют «определения, которые ограничивают сферу действия интертекстуальности конкретными видами текстов». К данной группе Петрова относит трактовки Валерии Чернявской (В. Чернявская, *Интерпретация научного текста*, Москва 2007, с. 128), Петра Становкина (П. Становкин, *Специфика некоторых сюжетов-интертекстов в лирике О.Э. Мандельштама (на материале сборников «Камень», «Tristia»*, [в:] *Русская речевая культура и текст: материалы VI Междунар. конф., Томск, 25–27 марта 2000 г.*), Томск 2010, с. 196–201) и Юрия Солодуба (Ю. Солодуб, *Интертекстуальность как лингвистическая проблема*, «Филологические науки» 2000, № 2, с. 51–57).

6 Например, см.: М. Липовецкий, *Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики)*, Екатеринбург 1997, с. 9.

7 Ср.: Н. Петрова, О. Кулакова, *Различные подходы к определению интертекстуальности*, «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология» 2011, № 2, с. 132.

концепциям Михаила Бахтина⁸, Юлии Кристевой⁹, Ролана Барта¹⁰ и Юрия Лотмана¹¹.

Согласно узкому подходу, интертекстуальность рассматривается не как общее свойство текста, а как специфическое качество отдельных текстов или групп текстов. Интертекст определяется в данной трактовке как элемент, заимствованный из других текстов, а предметом исследования выступают маркеры межтекстовых связей, включая аллюзии, цитаты, референции и пародии. Среди приверженцев узкого метода такие ученые, как Жак Женетт¹², Мишель Риффатерр¹³, Улрлих Бройх¹⁴, Манфред Пфистер¹⁵, Ирина Арнольд¹⁶ и Наталья Фатеева¹⁷.

Указанные выше формулировки и перечисленные критерии рассматриваемого феномена, безусловно, не являются исчерпывающими. Интертекстуальность, признаваемая междисциплинарным явлением, стала за последние годы объектом изучения целого ряда наук¹⁸ и она также может быть рассмотрена с учетом различных других аспектов, например:

8 См.: М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979.

9 См.: J. Kristeva, *Séméiotikè. Recherches pour une sémanalyse*, Paris 1969, s. 143–173.

10 Р. Барт, *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*, Москва 1989.

11 См.: Ю. Лотман, *Избранные статьи*, Таллинн 1992, т. 1.

12 См.: G. Genette, *Palimpsestes. La littérature au second degré*, Paris 1982. Ср.: Ж. Женетт, *Палимпсесты: литература во второй степени*, Москва 1998.

13 См.: M. Riffaterre, *La Production du texte*, Paris 1979.

14 См.: U. Broich, M. Pfister, B. Schulte-Middelich, *Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien*, Berlin 1985.

15 См.: Там же, s. 1–30.

16 См.: И. Арнольд, *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*, Санкт-Петербург 1999.

17 Н. Фатеева, *Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи*, «Известия Российской Академии наук», Серия литературы и языка 1998, Т. 57, № 5, с. 25–38.

18 *Intertextuality: Theories and Practices*, ed. M. Worton and J. Still, Manchester – New York 1990.

читательского (исследовательского) и авторского¹⁹, онтологического или дескриптивного²⁰, стилистического или интерпретативного²¹.

Этот многоаспектный феномен раскрывается через призму дискурсов, в которых он исследуется. Таким образом, подход к интертекстуальности определяется контекстом и целью анализа, что позволяет по-разному интерпретировать и использовать этот концепт в различных исследованиях.

В свою очередь, Вадим Рыжаков, в одной из своих последних работ, анализируя интертекстуальность с точки зрения когнитивистики и семиотики, приходит к выводу, что в современной науке более уместно рассматривать не различные подходы, а два различных явления, обозначаемых одним термином²².

Первое из них – «универсальное свойство психики человека», проявляющееся в абстрактно-дискурсивном восприятии, накоплении и передаче информации, с сохранением ассоциативной связи с контекстом; второе – стилистический приём, при котором автор сознательно вводит элементы других текстов в свой собственный текст, оказывая определенное эмоциональное воздействие на адресата²³.

Подобная трактовка темы сосредотачивает внимание на эмотивной функции интертекста, представляющей собой новое и малоизученное явление как в области литературоведения²⁴, так и в культурологическом дискурсе в целом, и становится объектом научного интереса в данной статье.

19 Н. Фатеева, *Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе*, «Известия Российской академии наук» 1997, т. 56, № 5, с. 12. Натали Пьеге-Гро, в свою очередь, рассматривает интертекст с учетом двух аспектов – как «продукт письма» и как «эффект чтения». См.: Н. Пьеге-Гро, *Введение в теорию интертекстуальности*, Москва 2008, с. 52–59.

20 См.: R. Lachmann, *Intertextualität als Sinnkonstitution, Andrej Belyjs. Petersburg und die ‚fremden‘ Texte*, «Poetica» 1983, (Vol.15), Aus. 1–2, s. 66.

21 См.: Т. Элиот, *Избранное: Религия, культура, литература*, Москва 2004.

22 В. Рыжаков, *Когнитивный и семиотический подходы к пониманию феномена интертекстуальности*, «Преподаватель XXI век» 2023, № 4, с. 437–447.

23 Там же, с. 447.

24 При анализе интертекстуальных функций необходимо упомянуть, что их исследованием занимались еще такие ученые, как Виноградов и Бахтин. Однако у них акцент ставился на основной функции всех интертекстуальных включений – создании диалогичности между текстами или между автором и читателем. См.: В. Виноградов, *О литературной циклизации. «Невский проспект» Гоголя и «The confession of an English opiumeater» Де-Куинси*, «Поэтика» 1928, № 4, с. 114–125; См. также: М. Бахтин, *Проблемы творчества Достоевского (1929)*, [в:] *Бахтин М.М. – Собрание сочинений в 7 томах*, Москва 2000, Т. 2, с. 72–78.

Следует отметить, что в современном литературоведении, ввиду широкой вариативности, отсутствует единая парадигма для классификации основных функций интертекста. Однако существует группа исследователей, которые, определяя основные функции интертекста, опираясь на классическую модель функций языка, предложенную Романом Якобсоном²⁵. Эти функции включают: эмотивную (экспрессивную), конативную, фатическую, реферативную, поэтическую и метаязыковую. При этом, как замечает Галина Бобровская, доминирование одной из них часто сопровождается проявлением других в различной степени²⁶.

Что касается эмотивной функции, представляющей в рамках данного исследования наибольший интерес, в своей работе «Лингвистика и поэтика» Якобсон дает ей следующее определение:

Так называемая эмотивная, или экспрессивная, функция, сосредоточенная на адресанте, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных²⁷.

Адаптируя данную формулировку к контексту интертекстуальности, где существуют авторский и читательский аспекты, считаю целесообразным разграничить экспрессивную и эмотивную функции интертекста. Они схожи, поскольку в обоих случаях акцент делается на эмоциональной составляющей, но их установки различны: для экспрессивной функции – это выражение собственных эмоций и отношений адресанта, для эмотивной – вызывание эмоций у адресата сообщения²⁸.

25 Р. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, пер. с англ. И.А. Мельчука, [в:] *Структурализм: «за» и «против». Сборник статей*, под. ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова, Москва 1975, с. 193–230.

26 См.: Г. Бобровская, *Интертекстуальность и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе*, [в:] *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах различных типов. Коллективная монография*, науч. ред.: Т.Н. Колокольцева; В.П. Москвин, Москва 2015, с. 205.

27 Р. Якобсон, *Лингвистика и поэтика ...*, с. 198.

28 Ср., например, Л. Бутакова, *Эмотивная составляющая воздействия текста интернет-блога*, «Science Journal of VolSU. Linguistics» 2023, Vol. 22, № 1, с. 39–52; Подробнее о дифференциации эмотивной и эмоциональной функций текста в научной литературе см.: С. Ионова, *Эмотивность текста как лингвистическая проблема*, Волгоград 1998.

Таким образом, эмотивная функция интертекста заключается в модулировании эмоций адресата²⁹ с использованием ассоциаций, отсылок и взаимосвязей с другими текстами. Когда мы читаем художественное произведение, мы воспринимаем его через призму нашего предыдущего опыта, включая другие тексты, которые мы читали, видели или слушали ранее. Это создает эмоциональные референции, которые могут усиливать или изменять наши чувства по отношению к персонажу, сюжету или произведению в целом.

Интертекст, в результате, является стимулятором читательской активности³⁰, а в данном контексте эмоциональной активности читателя. Мы можем испытывать радость, узнавая знакомые мотивы и образы, или грусть, если интертекстуальные отсылки напоминают нам о печальном сюжете. В аллюзиях и референциях заложен определенный контекст, который может заключать в себе как одно слово, так и фразу, образ, архетип, сцену, сюжет, произведение, все творчество автора, целую эпоху или даже культурный слой. Этот контекст является своеобразным кодом, который модулирует определенные эмоции и реакции.

Иллюстративным примером данного феномена служит роман Владимира Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Произведение предоставляет обширный материал для анализа, в котором интертекстуальные элементы являются ключевыми в авторской технике³¹. На страницах романа оживают творения классиков XIX века, таких как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Тютчев, Чехов, а также мастеров XX века: Платонова, Маяковского, Булгакова, Ерофеева, Солженицына и других. Рассматривая литературу как единое целое, автор умело интегрирует цитаты, аллюзии и пародии, формируя сложную текстовую мозаику, насыщенную культурными оттенками.

29 Подобное определение демонстрирует узкое понимание эмотивности, совпадающие с третьей группой по классификации Леонида Васильева, который, выделяя в лексической системе русского языка эмотивную лексику, делит ее на 3 группы: лексика со значением эмоционального состояния; лексика со значением эмоционального отношения; лексика со значением эмоционального воздействия. См.: Л. Васильев, *Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи*, [в:] Л. Васильев, *Очерки по семантике русского глагола*, Уфа 1981, с. 104.

30 См.: А. Базанова, Е. Бурдовская, Е. Осиповская, Е. Попова, *Функции интертекста...*, с. 156.

31 Подробнее об этом см. А. Кудхир, *Интертекстуальная поэтика романа В. Маканина Андеграунд, или герой нашего времени*, «Наука и Мир» 2017, № 2(1), с. 29–36.

Интертекстуальные элементы участвуют в создании эмоционального фона, на котором раскрывается личность титульного персонажа. Читатели, знакомые с исходными текстами, проецируют свои эмоции и переживания, связанные с данными произведениями, на новый образ. Так, например, интертекстуальные отсылки к произведениям Фёдора Достоевского создают эмоциональный фон, на котором маканинский герой воспринимается как человек с глубокими внутренними конфликтами и моральными дилеммами. Читатели, узнающие в тексте черты парадоксалиста из «Записок из подполья»³² или Раскольникова из «Преступления и наказания»³³, могут испытывать к персонажу Маканина аналогичные чувства, которые они испытывают к знакомым образам, поскольку ассоциации с ними вызывают схожие эмоциональные отклики. Таким образом интертекстуальность, через эмотивную функцию, участвует в формировании психологического портрета персонажа, позволяя автору более эффективно воздействовать на читателя. Делая восприятие персонажа глубже и эмоционально насыщеннее, она усиливает эмоциональный отклик читателя и дает адресату текста возможность одновременно испытывать несколько эмоций и реакций.

Проявление эмотивной функции интертекста в романе Маканина рассмотрим на примере главы «Маленький человек Тетелин». Ее заглавие само по себе содержит отсылку к архетипу «маленького человека», сформированному в русской литературе XIX века. Данный архетип приобретает у Маканина новую литературную интерпретацию благодаря персонажу Тетелина, являющегося явной аллюзией к классическому образу Башмачкина из повести Николая Гоголя «Шинель»³⁴. Уже в самом начале главы автор акцентирует внимание читателя на параллели с гоголевским сюжетом, открыто указывая на источник:

Тетелин погиб, когда купил себе столь желанные твидовые брюки в торговой палатке, что прямо под нашими окнами. /Сюжет «Шинели»³⁵.

32 Ф. Достоевский, *Записки из подполья*, Москва 2006.

33 Ф. Достоевский, *Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом*, Москва 2011.

34 Н. Гоголь, *Шинель* [в:] *Повести*, Ленинград 1952, с. 123–154.

35 В. Маканин, *Андеграунд, или Герой нашего времени*, Москва 2010, с. 153–154.

На протяжении всего повествования нарратор образно и нарицательно отождествляет Тетелина с главным героем «Шинели», называя его то *Акакием Акакиевичем*, то описывая его словами «этот маленький». С помощью аллюзий автор «надевает» на своего героя образ другого известного персонажа, имеющего определенный узнаваемый семантический код, который на новом образе предстает совершенно иначе, что моделирует у читателя обратные эмоции.

Подобно тому, как для гоголевского героя шинель стала центром бытия, так для Тетелина твидовые брюки превратились в смысл существования. Мечта о брюках, еще более жалкая, чем о шинели, вероятно, говорит об обмельчании человеческих ценностных ориентиров³⁶.

В отличие от гоголевского Башмачкина, судьба которого может вызывать сострадание, образ Тетелина, порождает скорее жалость или негодование. Описание смерти Башмачкина у Гоголя хоть и с элементами иронии, но целиком выражает трагедию бытия «маленького человека»: «Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто в нем его никогда и не было»³⁷ – сообщает в повествовании Гоголь.

Как отмечают некоторые исследователи, данная фраза передает всю полноту трагического момента, воспринимаемого классиком как «смех сквозь слезы»³⁸. В отличие от претекста, смерть Тетелина, изображенная в гротескной манере, вызывает смешанные чувства, которые описываются как «и смешно, и жалко», причем больше – смешно. Примером этому служит следующий фрагмент:

Я позвонил тогда Вик Викычу и Михаилу – я зазвал их в общагу на поминки с лучшими чувствами, поест, выпить, поговорить, помер же человек, однако, едва

36 А. Токаренко, *Образы творческих двойников главного героя в романе В.С. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени»*, «Вестник российского университета Дружбы народов», 2015, № 3, с. 79.

37 Н. Гоголь, *Шинель...*, с. 149.

38 В. Расторгуева., *Старое и новое в «Маленьком человеке»*, «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева» 2012, Вып. 4 (22), с. 314.

приехали, Викич опять начал смеяться. Чудовищно, но все трое, прихваченные порывом, мы сидели и смеялись. Не смех сквозь слезы – сквозь смерть³⁹.

В данном отрывке отчетливо прослеживается использование аллюзии на гоголевскую концепцию «смеха сквозь слезы», которая обогащается новым смысловым и эмоциональным содержанием. Маканин, прибегая к методу деконструкции литературного шаблона, ставит под сомнение возможность единственно правильной интерпретации.

Следует также отметить сцену из поминок, в которой братаются русский офицер и кавказец:

Но вот, выпив, Акулов и Ахмет обнялись, поцеловались. Встали оба разом. – Брат... – говорил один. – Брат... – вторил другой⁴⁰.

Данный эпизод можно рассматривать как реминисценцию к известной фразе Гоголя «я брат твой»⁴¹. Отсылка к гоголевскому претексту с библейским мотивом, в интерпретации Маканина, приобретает комический оттенок, что существенно усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Следовательно, можно утверждать, что в анализируемом произведении значимую роль в восприятии и интерпретации интертекстуальных элементов играет контекст. Контекстуальные ассоциации открывают читателю дополнительные уровни смысла и эмоциональной глубины. Понимание контекста имеет важное значение в эмотивном и экспрессивном функционировании интертекста. Когда читатель знаком с оригинальным текстом, на который ссылается автор, возникает возможность для более глубокого эмоционального отклика.

Любая фраза или даже слово в «Андеграунде» может содержать множество семантических кодов, считывание которых зависит от читательского опыта и знаний. Это делает восприятие текста индивидуализированным и многослойным. Так короткое предложение «Ночью снилась полуосвященная

39 В. Маканин, *Андеграунд...*, с. 155.

40 Там же, с. 159.

41 Н. Гоголь, *Шинель...*, с. 126.

ночная дорога»⁴² отсылает читателя к стихотворению Лермонтова «Выхожу я ночью на дорогу».

Этот образ передает состояние одиночества героя, погруженного в мир литературных текстов. Здесь обнаруживается интересное явление: в короткой, на первый взгляд, незначительной фразе, в рамках данного дискурса, можно выделить сразу четыре измерения, а именно: *текстуальное* пространство, воссозданное в *онирическом*⁴³ мире, отражает *психологический* (эмоциональный) мир героя в его *физической* реальности. Таким образом, контекстуальная насыщенность и знание оригинальных текстов делают интертекстуальные элементы мощным инструментом для создания полифонии смыслов и сложных эмоциональных воздействий. Стоит при этом отметить, что одним из ключевых эмоциональных эффектов является испытываемое читателем удовольствие.

Любой из нас может подтвердить, что удовольствие от текста переменчиво: нет никакой гарантии, что тот же самый текст сможет доставить нам удовольствие во второй раз; удовольствие мимолетно, зависит от настроения, от привычек, от обстоятельств⁴⁴.

В данном случае, ключевыми обстоятельствами становится контекст. Удовольствие, являющееся одной из базовых эмоций⁴⁵, зависит от того, как интертекстуальные элементы резонируют с личным опытом и субъективным восприятием читателя. Следовательно, контекст, в котором читатель воспринимает интертекстуальные элементы, определяет их эмоциональное воздействие. Контекстуальные связи формируют многослойную интерпретацию, в которой каждый элемент текста приобретает дополнительные значения и эмоциональные оттенки, создавая сложную сеть смысловых взаимосвязей.

42 В. Маканин, *Андеграунд...*, с. 36.

43 Онирический мир – мир сновидений или мир, созданный во время сна. Согласно толкованию термина «онирический» в *Оксфордский толковый словарь по психологии*, под ред. А. Ребера, Москва 2002.

44 Р. Барт, *Удовольствие от текста*, [в:] Барт Р., *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*, перев. с франц., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова, Москва 1989, с. 505.

45 Подробнее см.: Т. Березина, *Радость и удовольствие как базовые эмоции*, «Психология и Психотехника» 2012, № 7, с. 40–47.

Подводя итог всему сказанному, можно прийти к выводу, что эмотивная функция интертекста является важным аспектом, обогащающим восприятие текста читателем. При этом стоит подчеркнуть, что не сам текст непосредственно вызывает читательские эмоции, а контекст, в котором этот текст воспринимается и интерпретируется его адресатом. Подобная гипотеза не только расширяет горизонты для дальнейших исследований, но и подтверждает, что интертекстуальность остается перспективным и плодотворным направлением научных изысканий, где ее эмотивная функция становится важным объектом изучения, требующим дальнейшего теоретического осмысления и эмпирического исследования.

BIBLIOGRAFIA

- Barth R., *Udovolstviye ot teksta*, [in:] R. Barth, *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika*, transl. from French, comp., general ed. and introd. by G.K. Kosikov, Moscow 1989.
- Bazanova A., Burdovskaya E., Osipovskaya E., Popova E., *Funktsii interteksta i ikh vliyaniye na vospriyatiye ekonomicheskogo mediateksta auditoriyey*, „Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki” 2019, No. 12/2
- Bobrovskaya G., *Intertekstualnost i figury interteksta v publitsisticheskom diskurse*, [in:] *Intertekstualnost i figury interteksta v diskursakh razlichnykh tipov. Kollektivnaya monografiya*, scientific ed.: T.N. Kolokoltseva; V.P. Moskvina, Moscow 2015.
- Dostoyevsky F., *Prestupleniye i nakazaniye: roman v shesti chastyakh s epilogom*, Moscow 2011.
- Dostoyevsky F., *Zapiski iz podpolya*, Moscow 2006.
- Fateyeva N., *Tipologiya intertekstualnykh elementov i svyazey v khudozhestvennoy rechi*, „Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk”, Series of Literature and Language 1998, Vol. 57, No. 5.
- Gogol N., *Shinel*, [in:] N. Gogol, Leningrad 1952.
- Jakobson R., *Lingvistika i poetika*, transl. from English by I.A. Melchuk, [in:] ed. by E. Ya. Basin and M. Ya. Polyakov, Moscow 1975.
- Makanin V., *Andegraund, ili Geroy nashego vremeni*, Moscow 2010.
- Petrova N., *Problema opredeleniya termina intertekstualnost*, „Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva” 2017, No. 2.
- Piégu-Gros N., *Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti*, transl. from French; general ed. and introd. by G.K. Kosikov, Moscow 2008.
- Pfister M., *Koncepcje intertekstualności*, transl. by M. Łukasiewicz, „Pamiętnik Literacki” 1991, No. 82/4.

- Rastorgueva V., *Staroye i novoye v „Malenkom cheloveke”*, „Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva” 2012, Issue 4 (22).
- Ryzhakov V., *Kognitivny i semiotichesky podkhody k ponimaniyu fenomena intertekstualnosti*, „Prepodavatel XXI vek” 2023, No. 4.
- Tokarenko A., *Obrazy tvorcheskikh dvoynikov glavnogo geroya v romane V.S. Makanina „Andegraund, ili geroy nashego vremeni”*, „Vestnik rossiyskogo universiteta Druzhby narodov” 2015, No. 3.
- Vasiliev L., *Semanticheskiye klassy glagolov chuvstva, mysli, rechi*, [in:] L. Vasiliev, *Ocherki po semantike russkogo glagola*, Ufa 1981.